

Л. Г. КОЗИНСКАЯ
(Архангельск)

ЗЕМЛЯНОЙ МЕДВЕДКО В ВЕРОВАНИЯХ ЖИТЕЛЕЙ ЮГО-ЗАПАДА АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. Статья посвящена «земляному медведке», «земляному дедушке», таинственному подземному зверьку, почитаемому местными жителями, в образе которого прослеживаются языческие корни тотемизма, почитания культа предков в образе животных, а именно древнего культа почитания медведя. Рассматривается его внешний вид, выдвигается предположение, что «земляной медведок» — это животное, относящееся к роду слепышей (*Sralax typhlus*) семейства грызунов.

Ключевые слова: земляной медведок, тотемизм, культ медведя, культ предков, оберег, Коношский район.

Во время полевых исследований традиционного свадебного обряда с. Треть Коношского р-на Архангельской обл.¹ в 1990 г. мною впервые зафиксирован и собран архаичный материал о маленьком подземном животном — земляном медведке, земляном дедушке, как еще здесь его называют.

Треть включает в себя куст из трех деревень — Паунинской, Харламовской, Мотылево. В давние времена с. Треть и деревни Кремлевского куста входили в состав Глубоковской волости Кадниковского уезда и являлись вотчиной Спасо-Прилуцкого монастыря Вологодской епархии.

Ввиду обособленности края, отдаленности деревень от центральных сел и дорог, приверженности местных жителей к старине в этом деревенском мире сохранился наиболее архаичный, уходящий своими корнями в язычество, традиционный свадебный обряд. «Чтоб

¹ Коношский р-н расположен на юге Архангельской обл., на водоразделе больших рек Севера — Онеги и Северной Двины, — земли которого в древности относились к загадочному Заволочью. В своих пределах район граничит с Каргопольским, Няндомским и Вельским, на юге — с районами Вологодской области: Верховажским, Вожегодским, Кирилловским.

свадьбу не испортили», приглашали ворожца (знахаря), который охранял, «берёг» свадебный поезд. С помощью ворожца в процессе свадебного обряда совершали множество магических ритуалов, которые должны были обеспечить безопасность жениху и невесте. Например, невесте надевали в бане рукавицы — *наперстники*. При одевании невесты к венцу опоясывали «голо тело чёрной жичинкой» (сложенной в три ряда шерстяной ниткой, завязанной на девять узлов), в подол платья вкалывали булавки, в головной платок крестик, покрывали невесту шалью, повязывали голову ленточкой с оберегами. Зашивали земляного медведка в холщовый мешочек и прятали у невесты за пазухой².

Образ земляного дедушка³, или земляного медведка, в северном фольклоре и этнографии, в опубликованных источниках встречается крайне редко. Краткие сведения о нем встречаются только в статье А. А. Шустикова «Предания, обычаи, заговоры, суеверия и ворожба среди населения Кадниковского уезда»: «Земляной медведь (крот) по понятию крестьян очень полезен тем, что, будучи высушен и положен в воротах двора, ограждает скот от истребления зверьми» [Шустиков 1886].

По другим источникам, медведко — это насекомое. Так, в энциклопедичес-

² В с. Треть во время съемок научно-этнографического фильма «Умом и разумом», посвященного традиционному свадебному обряду, в 1991 году была снята сцена проводов невесты к венцу. Знахарь *ображает* невесту и для оберега прячет черный мешочек с высушенным медведкой у невесты за пазухой. А так как в фильме роли играли местные жители, для них эта сцена была не выдумкой автора, а реалией быта и являлась действительным фактом (см. кадр из фильма «Умом и разумом» (свадебный обряд с. Треть Коношского р-на), 1991).

³ Мифологические существа делятся на добрых и злых. К добрым духам принадлежит дедушка. К дедушке обращались за помощью, и он включался в крестьянские заботы. Духи не только помогали, но могли и наказать нерадивых хозяев. «Сила есть везде. Мне бабушка говорила, я ещё маленькая была: “Дедушко везде есть”. Дедушко — лесной, дедушко — межевой, дедушко — дворовой, дедушко — полевой, дедушко — домовый» (Зап. от Харьезы Дмитриевны Рудаковой, 1938 г. р., Вохтома, урж. д. Мотылево, с. Треть, Даниловской с/а [ПМА. Ф-2000, к. 1; д. 11; т. 2]).

ком словаре Ф. А. Брокгауза, И. А. Ефрона читаем: «Медведка — насекомое, относящееся к порядку прямокрылых⁴ <...>» [Брокгауз, Ефрон 1896, 865]. В книге этнографа С. В. Максимова «Куль хлеба и его похождения» также медведка описывается как насекомое: «Но опаснее для хлебов враги из царства насекомых. Вот, например, *медведка* <...>⁵» (заметьте, название насекомого женского рода. — Л. К.) [Максимов 1985, 94].

Исследования о земляном медведке продолжались в течение нескольких лет. В 2008—2009 гг. о нем собраны дополнительные сведения в с. Вохтома и п. Коноша. Выяснилось, что традиция его почитания не является локальной: она имела широкое бытование до наших дней на юго-западе Архангельской обл., в бывшем Кадниковском (Треть) и Вельском (Тавреньга) уездах Вологодской губернии, в Каргопольском уезде (Вохтома) Олонецкой губернии⁶.

Люди, видевшие земляного медведка, утверждают однозначно: «*Медведко такой вот, похож на крота, да не крот*» (Зап. от Надежды Петровны Дорофеевой, 1957 г. р., урож. д. Верховье, д. Осташевская, МО Вохтомское [ПМА. Ф-2008, 13 декабря, к. 1]).

«<Света, а похож он на крота?> — *Нет, конечно. Там даже и близко-то*

⁴ «Тело толстое, до 5 см длиною, густо покрыто очень короткими, бархатистыми серовато-бурыми, а в нижней стороне темно-желтыми волосками. Усики <...> короче тела; глаза небольшие <...>; передние крылья укороченные <...> с черными жилками; задние крылья очень большие, очень тонкие <...>. Совершают перелеты <...>. Живут и гнездятся в рыхлой, например песчаной, или разрыхленной почве <...>. Роят многочисленные <...> ходы. <...> Распространена по всей Европе за исключением крайнего Севера <...>» [Брокгауз, Ефрон 1896, 865].

⁵ «<...> Она роет целые галереи, по которым умеет укрываться и наносить убытки хозяевам посевов. Где эти ходы под землей, там на полях пожелтевшая тощая растительность, и вместо ее кучки нарытой земли, вроде наваленных вблизи кротовых нор» [Максимов 1985, 94].

⁶ До образования Коношского р-на, в начале XX в. земли Коношского края имели административно-территориальную подчиненность трем губерниям и являлись их окраинами: Вологодской, Олонецкой и Новгородской, и четырем уездам: Кадниковскому, Вельскому, Каргопольскому и Кирилловскому.

ничего нету с кротом. Не, не, не! Абсолютно! Кроты вообще всегда чёрные или там какие. Близко даже нету. А на мышку тем более. — <Не сравнить ни с кротом, ни с мышью, ни с крысой?> — *Не, не! Там даже близко нету. Как кошка и, например, и собака*» (Зап. от Светланы Владимировны Жировой, 1957 г. р., урож. д. Мелентьев Пал, МО Вохтомское, проживает в г. Архангельске [ПМА. Ф-2009, к. 1]).

Далее следуют описания земляного медведка, земляного дедушка, данные местными жителями.

«*Шура шла этово, чево-то в бане делала. Вот открыла баню-то, а лёжит, вот эдак, и лапки. А это вот, погиделя, — как у мидвидя. Это лапы пускай, а вот эта, как ладонь-то, как у мидвидя. Вот это, тоже Шура нахаживала. И у Надьки этот дедушко есть, в Коноше*» (Зап. от Харьезы Дмитриевны Рудаковой, 1938 г. р., Вохтома, урож. д. Мотылево, с. Треть, Даниловской с/а [ПМА. Ф-2000, к. 1, № 1; д. 11, т. 2]).

«*Он высушен. У Графинки было два медведко в ховст зашито. У матки моей на чердаке, на мизанине, был зашит дедушко земляной с коротенькими лапками... Тоувстенкой такой. Такой, сантиметров десять <...>*» (Зап. от Василия Федоровича Пашкова, 1929 г. р., д. Харламовская, с. Треть, Даниловская с/а [ПМА. Ф-1994, а. 1, с. 63]).

«<А дедушко какой? Как он выглядит?> «Дедушко-то? Дедушко-то — крот какой-то. Да вот и все. Крот такой чёрной, он высушенной, да и всё. Как крот большой. <Так вот, слушай. А медведко-то сколько сантиметров?> *А он вот такой, тут-то, дак был. А я не видала, большой. Дак он высох, дак одна шкурка. Он высушён дак. Он не выпотрошён, ничево...*» (Зап. от Лидии Николаевны Пашковой, 1930 г. р., урож. д. Паунинская, д. Кремлево, Даниловская с/а, с. Треть [ПМА. Ф-1996, август, к. 2, № 1, д. 14]).

«<Толя, а ты какого у себя на огороде медведку видел?> *Вот такой во, маленькой.* (Анатолий показывает пальцами рук размер медведки). <Сантиметров десять? А почему ты подумал, что это медведко?> *Он на крота не похож, на крысу тоже не похож.* <Шура (жена Толи. — Л. К.):> *Он говорил: “Я, говорит, выпыхал каково-то зверька”. Я говорю: “А он на*

ково похож-то?». А он говорит: «На крота не похоже и на крысу не похож». <Он какого цвета?> <Шура:> Серого. <А не запомнил, какой он?> <Толя:> А он такой тупоносой. Хвостик маленькой, как лопаточкой. Да тут быстро, дек, я ево сразу запахал. Их убивать нельзя, запахал ево. <А он такой толстенный?> <Толя:> Ну, он такой кругленький, небольшой, сантиметров десять — двенадцать. Я ево больше не видел. <Шура:> Кроты-то, те часто попадаются. <Толя:> Ну, он такой, нос-то не как у крота. Такой, как обрублен» (Зап. от Анатолия Александровича Дьячкова, 1962 г. р., урож. д. Турово, д. Осташевская, МО Вохтомское, и Александры Витальевны Дьячковой, 1963 г. р., урож. Красноборского р-на, д. Осташевская [ПМА. Ф-2008, 11 декабря, к. 1, № 2]).

«У папы ещё была старая бабушка. Вот старая-то бабушка нам вот это всё и говорила, она вот и рассказывала про этих мышей-то. Она, как крот, как мышка, такой, как кротик. А ротик у неё вот, как это, похож как пятачок... Чёрный... Кроты остроносые. А здесь вот у нево, как вот именно, что рыльце вот у него такое, как вот, как у каково-то, вот таково-то... как приподнятое, как вот пятачок у поросёночка. Чё-то вот так смахивает... на пятачок даже. <То есть это не настоящий такой крот, другой вид?> Он другой немножко, он немножко отличается от таково. <А на медведя похож?> У нево уши! Кстатие у крота уши поострее, а у нево покруглей, и они расположены немножко по бокам, поближе сюда. <Каких размеров будет этот, которого ты видела?> Ну, он вот, вот он сантиметров, наверно, где-то десять, одиннадцать, потому что он побольше немножко мышки. <Не пятнадцать?> Не-ет, не пятнадцать... Тёмный, цвета он тёмного, но не чёрный, как крот, он не чёрный... Вот. Я покажу тебе летом, я тебе покажу, тебе это, этово дедушку... А в лесу кроты, обыкновенные кроты. Они маленькие кроты, тоже вот такие и в огороде, дак они маленькие кроты. Но они чёрные же. Они чёрные совершенно. А этот я не скажу, что совсем чёрный, такой тёмный. Я не могу сказать, какой он цветом даже, кстати, но тоже где-то ближе, ближе к такому, к чёрному, но не такой чёрный, как крот. Кроты обычно чёрные, аж с блеском такие... Да, я помню, что он как вот, такой

вот, похож на крота, да не крот» (Зап. от Надежды Петровны Дорофеевой, 1957 г. р., урож. д. Верховье, д. Осташевская, МО Вохтомское [ПМА. Ф-2008, 13 декабря, к. 1]).

«Но, не крот, нет. <Не крот, нет?> Нет, нет, не крот. <А кто это?> Вот я не знаю, как их называли... (вспоминает) Дедушко-медведушко. Были, были такие. Да, я видала. <А какой он из себя?> Ну, он не крыса. Он кругленький такой, небольшой, чёрненький... Ну, он, конечно, это, ну, как... Ха-ха! (смеется) Как кругленький. <А сколько сантиметров, примерно?> Ну, сантиметров четырнадцать-пятнадцать, наверно, вот такой». (Зап. от Веры Дмитриевны Козициной, 1927 г. р., урож. д. Лычное, д. Осташевская, МО Вохтомское [ПМА. Ф-2008, 13 декабря, к. 1]).

«<Ты когда первый раз увидела медведка?> Ну, мы сидели с мамой. Это было летом. Ну, я была в отпуске. И вот начала разбирать кровать, как обычно там, в деревне. Представляешь?! И под матрасом увидела этово медведушку. В тряпочку завёрнут, в куколку. Ха-ха! (оживленно смеется). Ну, в тряпочке, в беленькой, в обычной, и перевязан, даже ниточка, по-моему, была. Ну вот. Казалось бы, ну што за куколка? Ну, што у мамы там лежит? Она говорит: «Это земляной медведушко, хранитель, хранит». <А как он выглядел? Ты его развернула и чего?> Ну, розвернула, ну сантиметров, наверно, десять точно есть. Засушенный такой, сплюснутый. Так голов'нка круглая, ушечки, всё, лапочки, всё есть. Есть коготочечки, вот такие вот, всё, лапочки. Вот такой дедушка (уверенно). Голова-то точно похожа вот как, ну, у медведя приплюснута, если засушенный как бы. <А видела зубы?> Есть, есть! Были, были! Вот это я помню хорошо. Да, да! Вот как это, два вот, как резца вот такие. Это точно вот помню. <Хвостик был?> Вот розвернула, слушай, это я сейчас не помню. Знаю што, вот такой вот, наверно (показывает рукой). Ну, столько лет вот, он уж сушёный, засушённый. (Вдруг оживленно.) Коричневый, такой вот! Как вот мишка коричневый! Вот такого цвета, наверно. Шёрсточка такая, с желтизной немножко. Да, да вот такой вот. Шёрсточка такая маленькая у нево, такая. Есть зубки. Были-были. <...> Он ведь очень редко. <...> «Медведушко, зем-

ляной медведишко», — говорит. — Очень редко это вот, его практически не найти». Вот. Очень редкий вот этот зверёнычек, маленький земляной медведишко. Это мамыны слова, вот так она и сказала, я до сих пор помню» (Зап. от Светланы Владимировны Жировой, 1957 г. р., урож. д. Мелентьев Пал, МО Вохтомское, проживает в г. Архангельске [ПМА. Ф-2009, к. 1.]).

«Сперва подумаешь — мышка. Но от мышки можно отличить, да у мышки-то фост длинной. Похож на мишку, на медведя. Лапы, мордочка, как у медведишки. Мех коричневый с серым, тудакка как с сера'. Верху видно два зубка. Фост, не помню, был ли» (Зап. от Зинаиды Александровны Сметаниной, 1932 г. р., урож. д. Мелентьев Пал, МО Вохтомское [ПМА. Ф-2009, к. 1.]).

Специально медведка не ищут, а попадаетея он на пути, случаем, около жилия, в огородах, на пашне.

«<А где его видят?> Где его видят... В поле, конечно, ведь он где?! Окол домов бывает, значит. Это... У нас раньше было тут, это, мы ведь жили-то не в самом Лычном, а за рекой от Лычного-то там. Ну, ведь мы там жё жили. Вот как это... Вот там видали этово дедушка-медведишка» (Зап. от Веры Дмитриевны Козициной, 1927 г. р., урож. д. Лычное, д. Осташевская, МО Вохтомское [ПМА. Ф-2008, 13 декабря, к. 1.]).

В августе 2001 г. в д. Тундриха у местной жительницы Анны Алексеевны Якшиной я сфотографировала высушенного медведка. «У меня вон дедушко-то есь, я могу показать. В бумаге лёжит над дверями» (Зап. от Анны Алексеевны Якшиной, 1933 г. р., д. Тундриха, Даниловской с/а [ПМА. Ф-2001, 9 августа, к. 3, зап. 1, д. 2]).

На улице, около ворот, на скамеечке, расположенной вдоль стены дома, мы рассматривали медведка, который был завернут в пожелтевшую от времени газетную бумагу. Анна хранила его как оберег над воротами дома. Медведко напоминает крота. Зверек высох, от него остались лишь черненькая, с сероватым отливом шерстка, ноги с длинными коготками. Мы боялись его шевелить, так как высохший скелет животного мог совсем развалиться. «<А расскажи, где ты его нашла?> А я шля доро..., вот скотину сгоняля, иду — чёр-

ный, вон там же, пересёк дорогу. И он свалиувсе. И говорят: "Нать тебе ево и взеть, этово дедушко". Я взяла. Вот на печке высушили, положила ево в газету. Он у меня вот там лёжит». <Это дедушка земляной?> А вот не знаю, он такой есю, потому што он бежал, откуд он бежал. Я вот положила ево... <А ты не дашь нам его сфотографировать? Я не видела такого.<...> Черного цвета?> Чёрный. <А лапки какие у него были?> А лапки такие сереньки. <Большие?> Маленькие. <А головка какая?> А головка тоже небольшая, как вот... (думает) ...как мне вам сказать-то... <Он не похож был на медведко?> А он, может, медведко и есь. Такой вот. Вот тут я поглядяля, поглядяля, как уж он и есь. Лапки такие маленькие. Вот, вишь, вот и головушка-то вот (Показывает в газете медведко. Смеется.) Ха-ха! <А когда это было? Сколько годов?> А я уж забыла. У меня мужик уж умёр. (Пытаюсь уговорить Анну повторить рассказ, чтобы получить более подробные сведения.) <Ну, а у тебя ничего не случилось? Вот ты медведка нашла. Через дорогу он вышел. Ну-ка, расскажи снова, как он через дорогу выходил? И когда, в какое время ты его увидела: ночью, днем, вечером?> Днём корову сгоняля. Корову сгоняля, иду, а он мне дорогу пересёк» (Зап. от Анны Алексеевны Якшиной, 1933 г. р., д. Тундриха, Даниловской с/а [ПМА. Ф-2001, 9 августа, к. 3, 1, д. 2]).

Анализируя вышеизложенный полевой материал, делаю вывод, что земляной медведко — это небольшое подземное, обитающее около жилия животное, похожее на земляного крота или мышку, округлой формы, покрытое коричневой с желтизной, коричневой с серым или темно-серой шерстью. Длина тела десять — двенадцать сантиметров, некоторые утверждают — четырнадцать — пятнадцать. Короткие ноги с пятью длинными когистыми пальцами («у дедушки ручки, как пальчики»). В отличие от крота у медведка «головёнка круглая, ушечки маленькие», расположены немножко по бокам. Тупоносый, рыльце приподнятое, похожее на пяточок. «Верху видно два зубка». Хвост маленький, «как лопаточкой».

Из описаний внешнего вида маленького подземного зверька местными жителями ясно одно: медведко не

крот, не крыса и не мышь. Думаю, что люди, живущие среди природы, не могут ошибаться. Неожиданно для себя в толковом словаре В. Даля нахожу подтверждение своего мнения. Одно из значений толкуемого слова «медведка» — «слепец, слепыш, подземный головастый зверок, *Spalax typhlus*, вовсе безглазый» [Даль 1978, 312].

Изучив специальную литературу о животных, ссылаясь на толковый словарь В. Даля и на описанный местными жителями внешний вид и образ жизни земляного медведка, прихожу к следующему мнению — это животное млекопитающее рода слепышей семейства грызунов, ведущее подземный образ жизни⁷. «Обыкновенный слепыш — строго растительноядное животное, основу его питания составляют корневища, луковицы и клубни растений. <...> Зверек ведет исключительно подземный образ жизни, выходя на поверхность в редких случаях. <...> С конца мая начинается расселение молодых зверьков из выводков, частично по поверхности, частично под землей, <...> что приводит к большей смертности самок на первом году жизни» [Википедия].

⁷ «Наиболее известное между ними животное — слепыш (*Spalax typhlus*), длиной до 20 см. Тупорылая голова его, шире бесхвостого туловища, усеяна жесткой щетиной и сидит на также толстой, неподвижной шее, резко выделяясь своими могучими, толстыми, долотообразными резцами. Напротив, глаза, величиной с маковое зерно, почти не видны. Пятипалые ноги снабжены крепкими когтями для рытья» [Брем 1992 (1)]. «Ноги с широкими ступнями и сильными когтястыми пальцами <...>» [Брем 1992 (2), 95–96]. «Конечности сильно укорочены, хвост редуцирован и скрыт под кожей. <...> Наружное ухо представлено в виде небольшого валика, скрытого под мехом. Носовой отдел покрыт голым роговым чехлом и окрашен, как правило, в черный или бурый цвет» [Википедия].

«Не подвергаясь зимней спячке, слепыш постоянно занят рытьем своих ходов. Движения его вовсе не так неловки, как можно судить по первому взгляду: он ловко шмыгает по траве, отлично плавает. При движениях он руководится больше слухом, другие же внешние чувства его мало развиты. <...> Общий цвет мягкого, густого меха — желто-коричневый с серо-пепельным оттенком» [Брем 1992 (1)]. В другом источнике: «Общий тон окраски меха — палево-серовато-бурый, между отдельными особями имеет место существенная изменчивость окраски» [Википедия].

Мои рассказчики также подтверждают, что живым зверёк «земляной медведко» встречается в редких случаях. Чаще находят его мертвым или зверек умирает у них на глазах: «Он умирает, все ложитче, вот эдак, на спинку и вот так лапы... Он человеческой след пройдёт и сразу умирает» (Зап. от Харьезы Дмитриевны Рудаковой, 1938 г. р., урож. д. Мотылево, с. Вохтома, с. Треть, Даниловская с/а [ПМА. Ф-2000, к. 1, д. 11, т. 2]). «Дорогу перейдет и умирает. Выходит на счастливчика» (Зап. от Василия Федоровича Пашкова, 1929 г. р., д. Харламовская, с. Треть, Даниловская с/а [ПМА. Ф-1994, а. 1, с. 63]). «Медведке через дорогу не пройти. Ево находят только мёртвого» (Зап. от Зинаиды Александровны Сметаниной, 1932 г. р., урож. д. Меленьтьев Пал, МО Вохтомское [ПМА. Ф-2009, к. 1]).

Однако ареал распространения *Spalax typhlus* — «степная и лесостепная зона России и Украины между Днепром и Волгой. Южная граница ареала ограничивается Кавказским хребтом⁸» [Википедия]. Чтобы доказать, что слепыш водится и на юго-западе Архангельской обл. требуются дополнительные изыскания не только этнографов, но и ученых-зоологов.

Многие очевидцы утверждают, что своим внешним видом медведко похож на настоящего медведя. Рассказывают они об этом с верой и с осознанием сакральной значимости подобного сходства. «А он может медведко и есь. Такой вот. Вот тут я поглядела, поглядела, как уж он и есь (таинственным тихим голосом)...» (Зап. от Анны Алексеевны Якшиной, 1933 г. р., д. Тундриха, Даниловской с/а [ПМА. Ф-2001, 9 августа, к. 3, 1, д. 2]). «А это вот поглядела — как у медвидя. Это лапы пускай, а вот эта, как ладонь-то, как у медвидя» (Зап. от Харьезы Дмитриевны Рудаковой, 1938 г. р., урож. д. Мотылево, Вохтома, с. Треть, Даниловской с/а [ПМА. Ф-2000, к. 1, № 1;

⁸ «Слепыши водятся и в юго-восточной Европе и Западной Азии. Особенно много их в наших степях по Нижней Волге, Дону и на Украине» [Брем 1992 (2), 95–96]; «Из-за резкого сокращения ареала и численности популяций все три вида слепышей, обитающие в нашей стране — белозубый, песчаный и буковинский — внесены в Красную книгу Украины» [Шевченко 2005].

д. 11, т. 2]). *«Вот, воккурат эти, как у чёловека пальчики-то»* (Зап. от Александры Федоровны Пашковой, 1929 г. р., д. Харламовская, с. Треть [ПМА. Ф-2001, 23 октября, к. 1, № 2]). *«Земляной дедушко высушенный. У дедушки ручки, как пальчики»* (Зап. от Василия Федоровича Пашкова, 1929 г. р., д. Харламовская, с. Треть, Даниловская с/а [ПМА. Ф-1994, а. 1, с. 63]). *«Похож на мишку, на медведя. Лапы, мордочка, как у медведишки»* (Зап. от Зинаиды Александровны Сметаниной, 1932 г. р., урож. д. Меленьтёв Пал, МО Вохтомское [ПМА. Ф-2009, к. 1]).

Земляного медведка местные жители называют ласково, как в русских народных сказках называют медведя, — *«медведко», «дедушко», «дедушко-медведишко»*. Но, прежде всего, слова «дед», «дедушко» ассоциируются в понятии крестьян с хозяином рода, прадедом, предком. Мне доводилось слышать рассказы местных охотников, что медведь — хозяин леса: *«Хозяин в дому, что медведь во бору»*. Убитая медведица, когда с нее снята шкура, похожа на женщину: *«как женщина, бела кожа и груди, как у женщины»*. Медведь сам на человека не нападает, *«собака лает на медведя, как на человека»*. Привожу в несколько сокращенной форме рассказ Анны Ивановны Козициной, 1906 г. р., записанный в с. Вохтома, когда она, будучи еще девушкой, осенью, одна по холодку собирала ягоды в лесу и встретила с седатым медведем: *«<...> и медведь рядом дом делает. Да! Дом делает. Это себе шалаш. А я ягоды собираю... Ну, погляжу, а ён таскает мох-от. Вот, так вот ташиит и опеть кладёт мох. Это ён видит и я вижу... И собираю ягоды! Большой такой. Такой уже седатиет стал... А он делал да делал своё дело. Вот нагребает моху, собираёт и ташиит. Мох ташиит, как чёловек. Во как! Ты не видала таких?!»* [ПМА. Ф-1986, к. 1].

Медведь своим поведением, повадками, силой и мудростью напоминает человека и нередко воспринимается в народных сказках как родственник, а вернее, как предок человека, одетый в звериную шкуру. «<...> Например в Олонецкой губ. верят, что М. есть человек, волшебством превращенный в зверя. В заговорах Медведь считается зверем особенным («избави от различ-

ного зверя и медведя»)»⁹ [Брокгауз, Ефрон 1896, 868].

Культе медведя был широко распространен у всех народов Севера: лопарей, финнов, в том числе и у русского населения. До нашего времени этот культ и особо почитаемый ритуал, именуемый медвежьим праздником, встречается у некоторых народов, преимущественно в Сибири. «В Евразии он прослеживается от Пиринеев до Японских островов, зафиксирован и на Американском континенте» [Алексеев 1985, 92]. Е. А. Алексеев побывал в 1971 г.¹⁰ на медвежьем празднике у елогуйских кетов, немногочисленной народности в бассейне Енисея (пос. Келлог). Он пишет: «Неоднократно отмечалось, что, по представлению кетов, в образе добытого медведя людей навещает умерший старший кровный родственник, того, кто первым обнаружил животное или его берлогу. Считалось, что один и тот же умерший мог навещать своих не более семи раз, но не ранее чем через семь лет после смерти и не чаще одного раза в год. В нашем случае хозяином, к которому явился гость, был призван Павел, так как медведь ему показался первому. Воспользовавшись традиционным для кетов гаданием на месте ос-

⁹ «...медведь был самым грозным животным, царем лесов на Севере, как лев на юге. Он был страшен своей силой, поражал тем, что становился на задние лапы, чего не могут делать другие животные, и этим, как и своей хитростью, напоминал человека. Все северные и восточные инородцы придают ему человеческое происхождение, некоторые даже божеское. Енисейские остяки думают, что медвежья шкура — это только покров, под которым скрывается человеческое существо, обладающее божеской силой и мудростью. <...> И русский народ (например в Олонецкой губ. верит, что М. есть человек, волшебством превращенный в зверя. В заговорах Медведь считается зверем особенным («избави от различного зверя и медведя»). Взгляд на М., как на превращенного человека, проглядывает и в некоторых легендах западноевропейских народов. В настоящее время остяки Тобольского округа, встречаясь с М. на охоте, просят у него извинения, прежде чем убить его; если же не успеют извиниться перед живым М., то делают это перед мертвым; иначе он будет мстить охотнику» [Брокгауз, Ефрон 1896, 868].

¹⁰ Дополнительные сведения о медвежьем празднике у кетов собраны Е. А. Алексеев в 1981 году [Алексеев 1985, 96].

вежения туши с помощью отрубленной правой передней лапы, “выяснили”, что к Павлу пришел его дед, умерший около 30 лет назад и ранее не являвшийся. Аналогичным способом узнали, сколько дней он хотел бы пробыть “в гостях» [Там же, 93]. Далее: «“Гостю” накрывали низкий столик, поставив его рядом с большим. <...> В стакан “гостю” до краев наливали чай, а затем по направлению часовой стрелки наполняли семь чашек (спиртного на празднике не пили)» [Там же, 96]. «На третий день на восходе солнца Павел “проводил дедушку” — отнес ящик со всем его содержимым в лес» [Там же, 97].

С древним культом предков связан и описываемый мною, почитаемый местными жителями зверек «земляной медведко».

Хозяином медведка, счастливым, становится тот, кто первым увидит его. Те, кто не подобрал медведка, сожалеют: «Я разок видала. А раз мы с Васей пошли. И мимо пробежал через дорогу. А мы этого не знали. Дак вот, говорят, перебежит, дак умрёт. Вот если бы знали бы, мы взяли бы его. А мы не знали, а через дорогу нам перебежал» (Зап. от Александры Федоровны Пашковой, 1929 г. р., д. Харламовская, с. Треть, Даниловской с/а [ПМА. Ф-2001, 23 октября, к. 1, зап. 2]).

«Бежаув как вот, какой мышонок. Вот. А потом он это. И упа... Опеть дорогу-то перешё(у)в и свали(у)все. Я потом горюю — пропал. А мне-ка вроде, не знаю, кто и сказа(у)в. Говорят, если он тебе дорогу пересёк, да он пропаув, дак ты возьми его. Нать тебе его и брать. А вот не знаю, чево было у меня. Я уж забыля». «Это к добру? Как тебе сказали-то?» А никто ничево не сказал. <А как ты узнала, что тебе надо положить да высушить?» А вот говорят, што одна бабка: “Ты возьми его да высуши. Высуши, и потом это пускай он у тебя» (Зап. от Анны Алексеевны Яксиной, 1933 г. р., д. Тундриха, Даниловской с/а [ПМА. Ф-2001, 9 августа, к. 3, 1, д. 2]).

В рассказах местных жителей о земляном дедушке мы встречаем такой же мотив, как и в сказке «Медведь — Липовая нога»¹¹: убивать его нельзя, иначе

в доме случится беда. «Их убивать нельзя, запахал его. <А ты почему знаешь, что убивать нельзя?» По поверьям-то, там, как бабки рассказывают. <А тебе какая бабка рассказывала?» Мать-то. Вот она и рассказывала. Говорит: “Найдёшь если медведка, дак в суд идешь, его берут и человека не осудят”. Я его не убил» (Зап. от Анатолия Александровича Дьячкова, 1962 г. р., урож. д. Турово, д. Осташевская, МО Вохтомское [ПМА. Ф-2008, 13 декабря, к. 1, № 2]).

Не трогают дедушку-медведушку ни кошки, ни птицы: «<...> Кошки их не едят, кстати. Но она отобрала, и вот тоже, говорит, нельзя, если его уничтожить, значит, будет беда в доме... И у меня вот, кстати, даже вот дети мои и то знают, што нельзя вот этово трогать... Его и кошки не едят, и птицы не едят. А у нас, бывало, бабушка-то папина была, помнишь, кошка-то поймала, тоже вышел, а кошка-то молоденькая, как схватила его. Бабушка: “Да что ты, сатана! Ты что схватила!? Это ведь дедушко! Дедушко-медведушко! Ты што!?” Домовой или кто ли? Дак она, кошка, бросила этово медведушку. А ещё мама-то у меня и говорит: “Ты чё?! Она все равно его ни съест...”» (Зап. от Надежды Петровны Дорофеевой, 1957 г. р., урож. д. Верховье, д. Осташевская, МО Вохтомское [ПМА. Ф-2008, 13 декабря, к. 1]).

Когда же священная связь предков не нарушается, животные, в данном случае медведко, служат человеку верой и правдой. Медведко не предвещает беды, а наоборот, помогает. На какого человека он выходит, тот должен его подобрать. Считается, что дедушко помогать будет только ему: «<...> для оберегу помогаёт, для всех, для скота, для

вянского происхождения» [Кривошеев 1988, 8]. В детстве я слышала от отца эту сказку (Коношский р-н, с. Вохтома): охотник в лесу отрубает лапу спящему медведю и приносит ее домой бабке. Старуха варит ногу, причем ночью, тайком от людей. Медведь же, сделав из липы деревянную ногу, идет в спящую деревню, взламывает дверь в избу и съедает обидчиков. Таким образом, медведь мстит своим обидчикам. Впоследствии сказка утрачивает свой архаический смысл, чтобы не пугать детей своим страшным концом: медведь попадает в открытое подполье и охотники его убивают. В этой сказке прослеживается «мотив нарушения запрета убивать и употреблять в пищу тотемное животное» [Там же].

¹¹ «Глубоко архаические воззрения о родстве человека и животных донесли до нас сказка «Медведь — Липовая нога» восточнослав-

дому, с собой берут на свадьбы, в суд и не обсуждают» (Зап. от Василия Федоровича Пашкова, 1929 г. р., д. Харламовская, с. Треть, Даниловская с/а [ПМА. Ф-1994, а. 1, с. 63]). «Ну вот, этово дедушка-то носят, дак кладут под матичю. Не под матичю, а у дверей на косяк, на верхней, чтобы вот переходить дак, чтобы мимо его перейти, чтобы порчи не занесли в избу» (Зап. от Лидии Николаевны Пашковой, 1930 г. р., урож. д. Пунинская, д. Кремлево, с. Треть, Даниловской с/а [ПМА. Ф-1996, август, к. 2, 1, д. 14]). «Я помню, знаешь еще чево! Когда Валерка уходил... С армии пришёл, или тоже женился, или чево-то вот, или куда-то поехал (вспоминает)... Не помню. Куда-то ездил. Мама ему давала тоже с собой этово медведущка. Как бы да. На, от всяких несчастий, или не дай Бох там, где-то, чево-то, от всяких случаев. Вот точно, Валерке в карман положила (показывает верхний карман). Она ему положила, говорит: “Только, не дай Бох, не потеряй!” Это вот приехал, потом привёз маме, снова отдал. Мама говорит: “Таково больше не найти”» (Зап. от Светланы Владимировны Жировой, 1957 г. р., урож. д. Мелентьев Пал, МО Вохтомское, проживает в г. Архангельске [ПМА. Ф-2009, к. 1]). «Все держала у себя, чтобы спокойнее было в доме. Старые люди говорили, што медведущко в доме это хорошо. Никто на дом не нападёт. Если на суд идти, берут с собой, помогает хорошо» (Зап. от Зинаиды Александровны Сметаниной, 1932 г. р., урож. д. Мелентьев Пал, МО Вохтомское [ПМА. Ф-2009, к. 1]).

Во время свадьбы невеста носит медведка три дня за пазухой. «Земляной дедушко высушенный <...> Дедушку три дня за пазухой носят» (Зап. от Василия Федоровича Пашкова, 1929 г. р., д. Харламовская, с. Треть, Даниловская с/а [ПМА. Ф-1994, а. 1, с. 63]). «Вот раньше свадьба была, дак вот, раньше-то, вот дедушко-то старались брать на свадьбу, чтобы порча не пристала. Вот чево. Брать дедушко с собой, дак значит и порча никакая не пристанёт. Есть ведь всякие люди. Раньше много знали, сейчас-то ничево не знают. Вот молодых натв испортить. Вот и говорят: “Надо дедушко взять с собой, дак молодых никто не испортит”. А нын-то всё не знают <А портили раньше молодых?> Порти-

ли раньше-то вот, портили. Раньше-то вот, кто знает, таково человека бёрут на свадьбу <...> штобы порча, он-от тамока, от порчи знает. И порча не пристанёт к молодым к этим. Ведь раньше много делили люди-то. Сейчас-то ничево не знают. Молодых испортят, дружно и — раз. Могут и свадьбу испортить. Вот я слышала так» (Зап. от Анны Алексеевны Якшиной, 1933 г. р., д. Тундриха, Даниловской с/а [ПМА. Ф-2001, 9 августа, к. 3, 1, д. 2]).

А у кого на случай свадьбы в доме медведка не было, посыпали дедушку родственники: «Вот у меня ковда свадьба была, дак мне тётка послала Анфия этово дедушку. У меня у самой не было. Дак я ево тоже не разглядывала. Завернутой он. Мне Лидия Пашкова с Харламовски-то, она была Литьке-то, она божатка-то, приехала дак, та привезла она и: “На! — говорит. — Анфия послала”. Мы с ней вот туда-ка и клали тоже около дверей-то. Около дверей, на верхней-то, на косяк» (Зап. от Лидии Николаевны Пашковой, 1930 г. р., урож. д. Паунинская, д. Кремлево, с. Треть, Даниловская с/а [ПМА. Ф-1996, август, к. 2, 1, д. 14]). «Мне-ка земляного медведущка подала Тоня Патракеева: “На, Зина, может тебе пригодится”. Мы вместе с ей дружили, она всё ходила ко мне» (Зап. от Зинаиды Александровны Сметаниной, 1932 г. р., урож. д. Мелентьев Пал, МО Вохтомское [ПМА. Ф-2009, к. 1]).

Как священный зверь, прогоняющий нечисть, медведь «повсеместно выступает в функции покровителя скота. <...> Именно поэтому в обряде опаживания селения, совершаемом при падеже скота, могут носить медвежью голову» [Успенский 1982, 99].

В Кадниковском уезде, пишет А. А. Шустиков, «чтобы уберечь скот от истребления медведем, нужно найти медвежью голову и зарыть ее в воротах двора» [Шустиков 1886].

В Каргопольском р-не в д. Большой Халуй в 1974 г. во время командировки по перевозке дома охотников Пуховых (по прозвищу Медведчиковы) на чердаке старшим научным сотрудником музея Н. Н. Власихиной был обнаружен череп медведя [Власихина 1974]. К сожалению, медвежий череп как редкий экспонат не был вывезен в музей. Также не собраны сведения, для каких целей хранили его хозяева на чердаке.

«Амулеты из медвежьей головы, а также медвежьих лап и медвежьей шерсти повсеместно рассматриваются вообще как средство, призванное охранять скот и способствовать его размножению <...>» [Успенский 1982, 100].

В обрядах связанных с медвежьим культом, например, в свадебных, святочных, медведь способствует богатству, изобилию, плодородию и исцелению. В с. Вохтома во время святочных игр ряженный медведь «мял только молодок», которые живут первый год замужем. Других «ломал», чтобы «спина не болела».

Земляной медведко оберегает людей, их жилища, скот от всякой беды, порчи и нечисти. Поэтому *дедушку* используют в качестве оберега. Прячут у себя в более уязвимом месте — за пазухой. Кладут в особо опасные точки дома, связующие его с внешним миром: на верхние косяки дверей входа в жилище, на скотный двор, на чердак, во избежание пожаров. Какие при этом они *шепчут* слова, *читают статейки* мне удалось записать только от одной рассказчицы, но в этих кратких словах заложен глубокий сакральный смысл: «<Говорили, шептали какие слова?> *А на дедушку-медведку никто не нападает, так и на меня никто не нападет. Медведь ведь хозяин леса, на него никакое зверье не нападет. Вот на дедушка-медведка никто не нападет, никакое зверье, так и на... (называешь имя человека) никто не нападет*» (Зап. от Зинаиды Александровны Сметаниной, 1932 г. р., урож. д. Мелендьев Пал, МО Вохтомское [ПМА. Ф-2009, к. 1]). «*Я дак ничево не говорила. Не знаю, Лидия, говорила ли чево или нет. У меня беспокойства немало было. Ведь к каждому приговор есть. Мы ведь которого не знаем, который забыли*» (Зап. от Лидии Николаевны Пашковой, 1930 г. р., урож. д. Пунинская, д. Кремлево, с. Треть, Даниловская с/а [ПМА. Ф-1996, август, к. 2, 1, д. 14]).

Древние языческие воззрения современных людей на природу, конечно, забыты, и многие очевидцы не могут сами объяснить некоторые свои действия и поступки. Но веруют и почитают, потому что так учили их предки. Таким образом, происходит передача древних знаний по наследству. «*По поверьям-то, там, как бабки рассказыва-*

ют» (Зап. от Анатолия Александровича Дьячкова, 1962 г. р., урож. д. Турово, д. Осташевская, МО Вохтомское [ПМА. Ф-2008, 13 декабря, к. 1, № 2]). «*Вот старая-то бабушка нам, вот это, всё и говорила, она вот и рассказывала... И у меня и Андрей говорит это, тоже знает, у нас все, и дети знают. У меня даже вот и Ольга с Иринкой и то знают, шо такое дедушко-медведушко! И в это раз тоже сказала, я вот даже поразилась, как это?! Ты живешь у нас и не знаешь?!*» (Зап. от Надежды Петровны Дорофеевой, 1957 г. р., урож. д. Верховье, д. Осташевская, МО Вохтомское [ПМА. Ф-2008, 13 декабря, к. 1]).

Собранные мною сведения позволяют сделать выводы о том, что в образе земляного медведка прослеживаются языческие корни тотемизма, почитания культа предков в образе животных, а именно древнего культа почитания медведя. «Язычество древних славян имеет глубокие корни. Истоки его видятся за много тысячелетий до начала нашей эры. А отголоски сохранились вплоть до недавнего времени. Говоря о своеобразии и эволюции и формах восточнославянского и древнерусского язычества, мы не должны забывать, что его развитие не шло в стороне от путей, по которым развивались языческие комплексы других народов. При всех различиях в условиях существования — социальных, географических, климатических — необходимо помнить о прохождении одинаковых стадий в становлении языческих воззрений у разных народов» [Кривошеев 1988, 4].

Надеюсь, что статья вызовет интерес у ученых-этнографов и биологов. В дальнейшем требуются дополнительные исследования для доказательства, что земляной медведко — это животное, относящееся к роду слепышей (*Spalax typhlus*) семейства грызунов.

Литература

Алексеев 1985 — На медвежьем празднике у кетов / публикация Е. А. Алексеев // Советская этнография. 1985. № 5. С. 92—97.

Брем 1992 — Брем А. Жизнь животных: в 3 т. М., 1992. Т. 1. Млекопитающие / Семейство кротообразных мышей (Spalacidae). С. 540.

Брем 1992а — Брем А. Жизнь животных в рассказах и картинках: пер. с немец. Репринт.

изд. / под ред. Б. М. Житкова и Н. С. Дороватовского. М., 1992.

Брокгауз, Ефрон 1896 — Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. СПб., 1896. Т. 18.

Википедия — Материал из Википедии — свободной энциклопедии. //http://ru.wikipedia.org

Власихина 1974 — Власихина Н. Н. Отчет по командировке в Каргопольский район. 1974 г. Науч. архив ФГУК АМДЗ и НИ «Малые Корелы». Ф. 1, оп. 1, дело 1461, л. 1.

Даль 1978 — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 1978. Т. 2.

Кривошеев 1988 — Кривошеев Ю. В. Религия восточных славян накануне крещения Руси. Л., 1988.

Максимов 1985 — Максимов С. В. Куль хлеба и его похождения. М., 1985.

Успенский 1982 — Успенский Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей. М., 1982.

Шевченко 2005 — Шевченко Л. Очерки по экологии животных. 2005 // http://www.museumkiev.org/esseis/krotslepish_ru.html

Шустиков 1886 — Шустиков А. А. Предания, обычаи, заговоры, суеверия и ворожба среди населения Кадниковского уезда. Этнографический материал // Вологодские губернские ведомости. 1886. № 26.

«Умом и разумом» (свадебный обряд с. Треть Коношского р-на). Этнографический научно-популярный фильм. 1991. Научный архив ФГУК АМДЗ и НИ «Малые Корелы». Диск. Архивный № 375.

Сокращения

ПМА — Полевые материалы автора. Шифр в скобках состоит из номера полевой тетради, альбома и номера страниц. Для фонограмм (Ф) даны указания на год записи, номер кассеты, номера текста в ней и номера диски.

ФГУК АМДЗ и НИ «Малые Корелы» — Федеральное государственное учреждение Архангельский музей деревянного зодчества и народного искусства «Малые Корелы».

Summary. *The paper explores «the earth bear», «the earth grandpa», a mysterious underground animal, worshipped by the locals, whose image reflects the pagan roots of totemism, the worship of ancestors in the form of animals, namely, the ancient cult of the bear. Upon considering its appearance, the paper speculates that «the earth bear» might be an actual animal, mole rat of the rodent family (Spalax typhlus).*

Key words: «earth bear», totemism, bear cult, ancestor worship, apotrope, Konosh region.

Е. В. ХАЗДАН
(Санкт-Петербург)

КОЗА В КОЛЫБЕЛЬНОЙ АШКЕНАЗОВ

*Восток и Запад в искусствоведении
давно уже не географические понятия.*

И. И. Земцовский

Цигель, цигель, ай-лю-лю!

Фраза из к/ф Л. Гайдая
«Бриллиантовая рука»

Аннотация. *В культуре восточноевропейских евреев сохраняются особенности, позволяющие говорить о ее восточном происхождении. Образ козы, стоящей возле колыбели, отличается от того, как видится это животное народам, жившим в непосредственном контакте с евреями. Отношение к козе у славян неоднозначно: она считается нечистым животным, имеющим демоническую природу, выступает как ипостась нечистой силы. Напротив, в ашкеназских колыбельных ее присутствие воспринимается как благо. В конце XIX — начале XX в. она приобретает значение национального символа.*

Ключевые слова: еврейский фольклор, ашкеназский фольклор, идишская песня, колыбельная, коза.

В культуре ашкеназов — евреев, живущих на территории Восточной Европы в течение многих столетий, — сохраняются особенности, позволяющие говорить о ее восточном происхождении. В качестве таких элементов-маркеров могут выступать фольклорные образы и их трактовка, отличная от той, которая принята у народов, живших в непосредственном контакте с евреями, а также мелодика, ритмические и ладовые структуры в песнях и инструментальной музыке. Нам представляется наиболее удобным рассмотреть эту проблему на примере колыбельной песни — жанре, распространенном у всех народов и не связанном непосредственно с богослужбной практикой или какой-либо сельскохозяйственной или профессиональной деятельностью.

Одна из колыбельных, которую авторы энциклопедии Брокгауза и Ефрона (издание 1908—1913 гг.) определяют